

4. **Gueintz, Christian:** Deutscher Sprachlehre Entwurf. Köthen 1641. Nachdr. Dokumenta Linguistica. Reihe V: Deutsche Grammatiken des 16. bis 18. Jahrhunderts. – Hildesheim, New York, 1978.
5. **Harsdörffer G. Ph.** Frauenzimmer Gesprächspiele. Hrsg. v. I. Böttcher. Deutsche Neudrucke. Reihe Barock. – Tübingen, 1968, – Bd. II
6. **Huber, Wolfgang:** Kulturpatriotismus und Sprachbewußtsein: Studien zur deutschen Philologie des 17. Jahrhunderts. Germanistische Arbeiten zu Sprache und Kulturgeschichte Bd. 5. – Frankfurt a. Main, Bern, New York, Nancy : Lang 1984. – 319 S.
7. **Ingen, Ferdinand van:** Die Erforschung der Sprachgesellschaften unter sozialgeschichtlichem Aspekt. In: Sprachgesellschaften. Sozietäten. Dichtergruppen. Arbeitsgespräch in der Herzog August Bibliothek in Wolfenbüttel 28. bis 30. Juni 1977. Vorträge und Berichte herausgegeben von Martin Bircher und Ferdinand van Ingen. Wolfenbütteler Arbeiten zur Barockforschung Bd.7. Dr. Ernst Hauswedell & Co Verlag. – Hamburg, 1978. – S. 9–27.

Надійшла до редколегії 05.07.08

УДК 811.161.1'367.335

И. И. Дяговец

Донецкий институт социального образования

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ РУССКИХ ПРИДАТОЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ АМПЛИФИКАТИВНОГО СТРОЕНИЯ

Зроблено спробу виявити типологічну картину мовних одиниць, що формувались на основі синтаксичного процесу ампліфікації. Виділено два типи таких побудов; у I-му типі виокремлено 3 підтипи, у II-му – 8 підтипів.

Предпринята попытка выявить типологическую картину языковых единиц, сформировавшихся на основе синтаксического процесса амплификации. Выделено два типа таких конструкций; в I-м типе выделено 3 подтипа, во II-м – 8 подтипов.

An attempt to find out the typology picture of linguistic units which were formed on the basis of syntactic process of amplification is done. Two types of such constructions are selected; in the 1st type 3 subtypes are selected, in the second one – 8 subtypes.

Семантические типологии – дело всегда чрезвычайно трудное и зачастую проигрышное. Тому есть, по крайней мере, две причины: 1) слишком разнообразна, а потому и чересчур сложна, информативная база формирования грамматических значений, лежащих в основе любых семантических интерпретаций; названное разнообразие и вытекающая из него сложность до конца ещё не исследованы наукой, что не позволяет найти оптимальные критерии изучения синтаксических явлений; 2) на сегодняшний день синтаксическая наука располагает незначительным опытом семантических исследований, поэтому полагаются только на семантические показатели как на оптимальный инструмент вскрытия глубинных свойств синтаксических объектов русского языка пока что преждевременно.

В этой связи представляется не совсем удачной и опрометчивой попытка построить «Русскую грамматику-80» на приоритете семантических оснований. Это привело к тому, что РГ-80 представила массовому читателю (а и на него рассчитаны издания подобного рода) отвлечённый, абстрактивный образец публицистической, научной схоластики, которую даже специалисты не всегда понимают, так что, несмотря на весьма солидную теоретическую базу и не менее солидный экzemпли-

© Дяговец И. И., 2008

фикационный антураж, для массового пользования сей труд оказался практически непригодным, превратившись в справочное пособие для профессионалов не слишком узкого круга лиц. Видимо, составители РГ-80 понимали это и, чтобы хоть как-то нейтрализовать негативные последствия, издали «Краткую русскую грамматику-1989».

В основу предлагаемой семантической типологии положен принцип наличия в придаточных частях ампликативной структуры эксплицированного грамматического значения, что во многом гарантирует полный учёт при лингвистическом анализе всех особенностей анализируемого объекта, имманентно присущих ему от природы. Кроме того, указанная эксплицитация препятствует привнесению в такой анализ всего подразумеваемого в синтаксическом объекте, особенно той информации, которой вообще нет [1].

Семантическая типология ампликативных придаточных построений вытекает из их конструктивных [2] потенциалов. И в этом плане выделяются две большие группы (типы) озвученных здесь придаточных: I) семантика всей ампликативной конструкции задаётся присвязочным компонентом, который структурно прикрепляет к себе типичные придаточные предложения. В качестве присвязочных компонентов выступают деепричастные и причастные обороты, либо одиночные деепричастия или причастия. Формально данный семантический тип придаточных предложений внешне напоминает каркас сложноподчинённого предложения (СПП), но лишь напоминает, а не является таковым; II) языковая семантика второго семантического типа опирается на структуру главной части, а амплификатор (расширитель) вносит в придаточное построение какие-либо субсидиарные характеристики временного, количественного, качественного, пространственного и др. планов.

Однако прежде чем перейти к лингвистическому анализу манифестационных реалий ампликативного строения, необходимо остановиться на уточнении значения некоторых терминов, используемых в данной статье. Следует отметить, что подавляющее большинство их соответствует тому значению, которое предписывает им «Словарь» О. С. Ахмановой [3], и лишь некоторая часть терминологического инструментария всё же нуждается в уточнении своего значения.

Амплификация – это синтаксический процесс «увеличения протяжённости» синтаксической единицы, понятно, что это увеличение за счёт контаминирования модально-временных планов «скрещивающихся» компонентов. «Амплификатор» = «расширитель», тот самый компонент, который увеличивает синтаксическую единицу.

Контаминация – тоже языковой процесс в синтаксисе, при котором происходит то, что в лингвистике называют семантическим видоизменением соединяющихся языковых компонентов, в результате которого происходит перераспределение их семантических функций.

Манифестация = реализация.

Семантика вскрывает смысловую сторону языковой единицы, а сам «смысл» – это её «содержание». **Значение** как термин включает в себе отражение денотата (предмета действительности) в сознании реципиента, опираясь на общепринятые, узуальные лингвистические правила идентификации единиц. Это отражение становится фактом языка, его субстанцией, благодаря установлению постоянной и неразрывной связи с определённым звучащим комплексом звуков.

В термин **темпоральность** вложено обыкновенное грамматическое значение времени.

Понятие **типологии** в нашем понимании синонимично понятию «классификация».

Итак, приступим к описанию манифестационных реалий I-го семантического типа ампликативных придаточных построений.

Амплифицируясь, придаточные увеличиваются структурно, но параллельно с этим увеличивается и их семантический объём, а деепричастные и причастные обороты, привязывая к себе придаточные построения, привносят в них грамматическое значение времени, которое становится доминирующим во всей ампликативной конструкции и которое усиливает темпоральную «начинку» всего СПП. Вот почему весь I-й тип исследуемых конструкций назван здесь темпоральным. В нём чётко выделяется 3 семантических подтипа: **определятельный, изъяснительный и целевой**.

1. **Темпорально-определятельные придаточные** выражают грамматическое значение времени в контаминации со значением определятельности (качественности, атрибутивности). Деепричастные и причастные обороты, прикрепив к себе придаточные предложения, сразу получают функции структурных компонентов ампликативной конструкции, контаминируя при этом свою семантику времени с атрибутивным значением придаточного. Одновременно с этим обороты реализуют двойные синтаксические связи – влево от себя и вправо, если оборот находится либо в препозиции по отношению к главной части, усиливая тем самым и предикативность всей конструкции, и её синкретичные возможности. Напр.: 1) *Но взглянув на окна третьего этажа, которые относились к квартире Денисовых, и увидев, что все они тёмные, она решила идти по лестнице со двора* (В. Кочетов). 2) *Тогда мать, улучив время, когда мужчины ушли на работу, приехала сама* (В. Санин). 3) *Тревогу, граничившую с паникой, которая охватила противника из-за появления в этом районе советской подводной лодки, мы могли считать хотя бы частичной победой* (В. Ф. Трибуц).

В первом примере деепричастный оборот «*взглянув на окна третьего этажа*», структурно привязав к себе придаточное определятельное «*которые относились к квартире Денисовых*», сформировал вместе с придаточным новую конструкцию – некое подобие СПП.

Однако не конструктивная сторона новообразования сейчас интересна для нас, а его семантика, она у оборота – временная, тогда как у придаточного – определятельная. В денотате обе эти семантики практически несовместимы, но вот в грамматически сложных и усложнённых конструкциях, как в нашем случае, где языковые допущения возможны в силу абстрагированности составляющих компонентов, такое совмещение состоялось, чему во многом способствовало то, что вторая семантика вытекает из первой, деепричастной, семантики, – но вытекает не как лингвистическое облигаторное следствие, а как относительно самостоятельная семантика, вытекающая из структурных связей между компонирующими элементами ампликативного построения.

В данном случае определятельность как грамматическое значение возникает спорадически на основе внешней ассоциативной [5] (не парадигматической) связи или связей латерально-контекстных [6], так что прямого, непосредственного отношения к грамматическому значению времени она (определятельность) не имеет, связь эта является чисто синтаксической.

Второй компонент «*увидев, что все они тёмные*» строится по аналогичной структурной модели, где главенствующую роль играет деепричастный оборот, соединяя в единую синтагматическую цепь средства выражения деепричастного значения времени со значением изъяснительности из придаточного построения примерно так, как это было в первой синтаксической ситуации.

Именно такие построения закладывают фундамент семантического синкретизма всей сложной или усложнённой конструкций.

Во второй и третьей экземпляризациях складывается грамматическая ситуация, аналогичная ситуации в первом примере.

2. **Темпорально-изъяснительные структуры** во многом напоминают предыдущий семантический подтип. Во всяком случае, структурация у них изоморфна, но различаются они семантически: если в темпорально-определяющих семантика временных новообразований играет ведущую роль и вместе с ведомыми ею значениями закладывает семантический фундамент всей усложнённой конструкции, то в новом подтипе ведущая семантика времени несколько ослабевает и включается в общую семантику всей конструкции на паритетных началах. Этому обстоятельству способствует и тот факт, что в качестве амплификатора, расширяющего структуру придаточного и вместе с этим и его семантику, выступает не оборот, а одиночное деепричастие или причастие. Напр: 4) *Изварин подолгу беседовал с Григорием, и тот, чувствуя, как вновь зыбится под его ногами недавно устойчивая почва, переживал примерно то же, что когда-то переживал в Москве, сойдясь в глазной лечебнице Снегирёва с Гаранжой* (М. Шолохов) 5) *Она свалилась как снег на голову, и доктор Клебе заволновался, испугавшись, что она так же внезапно исчезнет* (К. Федин).

Семантика всей шолоховской конструкции формируется на основе четырёх структурно-семантических компонентов: 1) «*Изварин подолгу беседовал с Григорием*»; 2) «*и тот переживал примерно то же*»; 3) «*чувствуя, как вновь зыбится под его ногами недавно устойчивая почва*»; 4) «*переживал примерно то же, что когда-то переживал в Москве, сойдясь в глазной лечебнице Снегирёва с Гаранжой*».

Только два из этих четырёх компонентов амплифицированы (расширены) одиночным деепричастием (№ 3) и деепричастным оборотом (№ 4), причем амплификаторы выполняют разные конструктивные функции: в № 3 расширитель выполняет роль главного учредителя этой части всей конструкции, а в № 4 оборот вклинился в структуру придаточного, присовокупив свою информацию (семантику) к семантике придаточного. Компоненты № 1, 2 и I-я часть № 4 передают описательную семантику информационного характера. № 3 и II-я часть № 4 представляют семантику времени, сформированную процессом амплификации, при этом она совмещается с изъяснительным значением и очень слабо выраженной определяющей семантикой.

Тесно «спаянная» синтаксическими связями и отношениями, семантика шолоховской конструкции прочно удерживает свой синкретичный характер, стойко перенося «вторжение» ампликативной семантики, обогащаясь её информацией.

3. **Темпорально-целевые** совмещают грамматическое значение времени в амплификаторе со значением цели в зависимой части. При этом временная семантика мыслится как реальная данность, существующая ради определённой цели. Напр.: 6) ... *размашисто заключил паренёк и, нахлобучив шапку до бровей, чтобы высвободить на всякий случай руки, медленным взором обвёл аудиторию* (Л. Леонов). 7) *Дети, стоявшие на деревянных ящиках, чтобы достать до стульев, на которых вытаскивали снаряды, были маленькими Таркиными* (Е. Евтушенко).

Амплификатор в № 6 – «*нахлобучив шапку до бровей*» – очень сложный языковой механизм. С одной стороны, он выражает добавочное действие – «*нахлобучив*», а с другой, это действие скрыто заключает в себе значение цели – «*высвободить руки*». Но эта цель из-за своего имплицитного, латентного характера устремляется в ирреальное пространство. Чтобы этого не допустить, амплификатор меняет латентный характер цели на эксплицитный формат и вбрасывает её в общую конструкцию, превращая последнюю из усложнённого построения в сложное.

Темпорально-целевые построения могут иметь по два и больше амплификатора. В этом случае значение времени, идущее от амплификатора, может отсутст-

воватъ совсем, заменено другим грамматическим значением, а может проявляться слабо, неярко. Тогда семантика придаточного ведет себя свободнее не только по отношению к главной части, но и по отношению к деепричастному или причастному оборотам, которые, являясь структурными компонентами главной части, проявляют сильное тяготение к придаточным, то есть фактически выполняют двойные функции. Это конструкции типа 8) *Как хочется жить, не печалься, друг другу улыбки даря, чтоб все на планете встречались, «Салют!», как пароль, говоря* (Б. Сабилов).

Таким образом, в I-м семантическом типе ампликативных придаточных предложений, создающихся внешними распространениями, доминирует подтип темпоральных построений. Они, контаминируясь с другими значениями – атрибутивности, изъяснительности и цели, не только формируют семантический синкретизм указанных придаточных, но и устойчиво поддерживают его, синкретизма, функционирование.

Во II-м семантическом типе рассматриваемых структур, формируемых внутренним распространением, обнаруживается несколько подтипов, основными среди которых являются следующие:

1. **Определительно-временные** возникают в результате вклинивания амплификатора в структуру придаточного определительного предложения. Синтаксическая роль такой экспансии сводится к выполнению функций распространителя обстоятельства времени в придаточном предложении, вернее, не самого обстоятельства – его может и не быть в предложении, – а временного значения, присущего всему придаточному построению. Напр.: 9) *Наташа увидела этого человека, когда схватила с раскаленного листа железа баклажан с обугленной икуркой, который, сочно хлопнув, выбросил белую мякоть* (И. Герасимов). 10) *Зато знали другое, вполне очевидное, что, прорвав немца, уже пятые сутки идём вперед по двенадцать-пятнадцать километров в день и что немцу приходится плохо* (К. Симонов).

Здесь, в экземплификации № 9 придаточное «который ... выбросил белую мякоть», завися от предыдущего придаточного, «когда схватила с раскаленного листа железа баклажан с обугленной икуркой», унаследовало от него общее грамматическое значение времени, усиленное временным значением самого амплификатора, присовокупившего к основному грамматическому значению придаточных свою семантику – временные значения предшествования (*Ещё не создана некрасовская песня, которая бы, возникая на почве повседневной жизни, поэтизировала её и делала эстетически общезначимой* (Н. Н. Скатов), одновременности (*Ещё в детстве он обижался на отца, который, уходя на работу, брал его с собой* (В. Ярмак), последования (*Мы взобрались на гору, с которой открывался чудесный вид, рождая в душе чувство успокоенности* (Е. Суворов).

Определённо-временные ампликативные построения – это наиболее распространённый подтип среди единиц II-го семантического типа.

2. **Атрибутивно-качественный подтип.** Особенность его в том, что он выражает семантику качества весьма оригинально – как бы в два яруса. Амплификатором служит чаще всего причастный оборот (но не одиночное причастие). Напр.: 11) *Эту историю он впоследствии изложил стихами, в которых излил свои переживания и воздал напоследок хвалу доктору, не оказавшемуся гордецом* (А. Бек). 12) *В грязной и разломанной телеге, которой правил казак, накрывшийся прелым тулупом, сидели трое с замотанными головами, с подвязанными руками* (А. Н. Толстой).

Как видим, в примере 11 придаточное определительное, презентуя качество одного из компонентов главной части (I ярус выражения), привязывает к

себе причастный оборот, который тоже выражает качество структурного элемента, но уже из самого придаточного (II ярус).

Что же касается примера 12, то он ярко свидетельствует, что одиночные причастия не являются амплификаторами, поскольку функционально они «действуют» исключительно в рамках внутреннего расширения и никак не затрагивают предикативную основу всей конструкции.

3. **Темпорально-временные** базируются на выражении значения «времени во времени», когда придаточное со значением времени амплифицируется локализованным значением тоже времени. Напр.: 13) *На грубоватом, под стать голосу, лице Толстунова не выразилось никакого удивления, когда, оглядев командиров, он не нашёл среди них ни Заева, ни Панюкова* (А. Бек). 14) *На следующий день после обеда, когда низкое солнце, перевалив зенит, стало заглядывать в окна и в комнатах расселился тот особенно приятный зимний свет, которому, возвращаясь домой, радуешься уже с порога, Вилена, облокотившись на подоконник, смотрела на улицу* (В. Сукачёв).

Амплификации здесь подверглись придаточные временные предложения. Расширение произошло путём вклинивания (вторжения) в структуру зависимых, подчиняющихся построений деепричастных оборотов «оглядев командиров» и «перевалив зенит» со значением времени. Однако эта семантика и по значимости её в общей структуре конструкций и по своему объёму не только значительно уступает временному значению придаточных, но, что главное, грамматически зависит от него – вот отсюда и получается «время во времени».

4. **Причинно-временные** – это обычные придаточные предложения причины, осложнённые значением времени, привносимым в их семантику полупредикативным оборотом. Напр.: 15) *В оперативном отделе они все его звали Толей и за молодость лет и из хорошего отношения к нему, потому что, приходя в оперативный отдел с разными поручениями командующего, Евстигнеев никогда не стремился подчеркнуть своё адъютантское положение* (К. Симонов).

5. **Изъяснительно-временные** формируются путём осложнения временным значением обычных изъяснительных придаточных предложений. Это синтаксические единицы типа 16) *Курнаков докладывает, что его усиленная разведка, пройдя полтора километра, встретилась с передовыми частями шестьдесят седьмого корпуса* (К. Симонов) 17) *Предполагалось, что, получив наконец лётные, Тюленев вспомнит о старых долгах* (М. Галай).

6. **Следственно-временные** выражают результирующее следствие, осложнённое значением времени. Напр.: 18) *У него онемели ноги и изменилась походка, так что однажды, идя по коридору, он споткнулся и упал вместе с подносом, на котором была ветчина с горошком* (А. Чехов) [9].

7. **Темпорально-качественные (определятельные)** – они, сохраняя главное, ведущее значение, осложняются качественным значением, привносимым причастными оборотами, а также построениями предложеческого формата, несущими значение атрибуции. Напр.: 19) *Недели через две, когда сотня, измученная длительным маневрированием, расположилась в местечке Заборонь, из штаба полка прискакал сотенный командир, подъесаул Полковников* (М. Шолохов).

8. **Ампликативные придаточные конструкции** со значением образа действия осложняются разными временными значениями, привносимыми полупредикативными оборотами. Напр.: 20) *И тот повернулся кругом, пошёл, но пошёл так, словно сейчас, идя по ходу сообщения спиной к немецким танкам, продолжает смотреть на них, туда, в поле* (К. Симонов).

Итак, размеры статьи не позволяют вскрыть всю глубину семантики тех нетипичных придаточных построений, что образованы действием весьма активного

синтаксического процесса амплификации. Даже эти визуальные наблюдения над ними показывают или дают повод полагать, что 1) семантика построений, условно названных здесь ампликативными построениями, чрезвычай богата по смыслу, но 2) страдает однообразием средств её (семантики) выражения, отчего многие ампликативные построения расширяют свой структурный каркас (а отсюда и свою семантику) при помощи одних и тех же грамматических средств расширения (амплификаторов).

Простые предложения, оказавшись в положении зависимых (придаточных) компонентов сложной или усложнённой синтаксической единицы, из своей изначальной семантики теряют коммуникативность, вернее, её самостоятельность, однако из самого процесса коммуникации не выпадают, принимая участие в нём через посредство всей сложной конструкции как косвенный участник обмена мыслями.

Выделенные здесь типы ампликативных построений имеют синкретичную семантику и «изъявляют» готовность к парцелляции.

Статья не преследовала цели точной идентификации абсолютно всех построений – ставилась иная цель: установить сам факт способности ампликативных единиц к классификации. Мы выявили, что они поддаются типологической обработке и на уровне семантики, что свидетельствует о системной организации таких единиц, несмотря на их статус единиц нетипичного синтаксиса.

Библиографические ссылки и примечания

1. «Подразумеваемое» при лингвистическом анализе следует отличать от вербально присутствующей в синтаксическом объекте имплицитной информации, в противном случае рискуем получить искажённую картину анализируемого. Чтобы избежать этого, необходимо опираться на реальную данность синтаксического объекта, а она практически всегда подскажет, сколько и какой имплицитной информации заложено в языковой единице, то ли в латентном формате, то ли в лакунарном.
2. А не из логических или тем более психологических возможностей самих лингвообъектов. Об этом предупреждают и [3], и [4].
3. **Ахманова О. С.** Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М., 1966.
4. **Бабайцева В. В.** Русский язык : Синтаксис и пунктуация / В. В. Бабайцева. – М., 1979.
5. Под внешней ассоциативной связью здесь понимается мысленное соединение лингвистических объектов на основе а) сходства, либо б) одновременности, либо в) смежности или г) противоположности с целью характеристики одного из анализируемых языковых объектов.
6. Это связи, что возникают попутно в процессе анализа и прямого, непосредственного отношения к анализируемому лингвообъекту не имеют, а характеризуют его косвенно. Возникают такие связи не как облигаторные, и даже не как факультативные, а как попутные.
7. Придаточные предложения цели устойчиво демонстрируют одну свою закономерность: их сказуемые всегда выражают грамматические значения часто в плоскостном формате – настоящего и будущего времён, но никогда не приобретают значения прошедшего времени. Однако значения первых двух времён манифестируются в речи исключительно формами прошедшего времени. Получаются отношения наподобие отношений обратной пропорциональности в математических структурах. В схеме это выглядит примерно так:

Семантика цели	значение настоящего, будущего и прошедшего времени
Выражение целевой семантики	формы прошедшего, будущего и настоящего времени

Эту закономерность условно можно назвать парадоксом целевых (предложений). Объяснение находится в следующем: во-первых, придаточные цели «заряжены» сильной дозой сослагательности, материализованной частицей «бы», находящейся в составе целевого союза «чтобы». Присутствие сослагательности как бы нейтрализует значение реальности действия, как бы «снимает» эту реальность, что само по себе препятствует приобретению значений настоящего и будущего времени в прямом использовании и вынуждает пользоваться плоскостным вариантом данных времён (см. об этом в: [8, с. 200]); во-вторых, глагол в форме прошедшего времени, потеряв собственное значение, способен выражать только ирреальные действия [там же], наиболее подходящие для презентации целевых отношений.

8. **Никитевич В. М.** Грамматические категории в русском языке / В. М. Никитевич. – М., 1963.
9. Попутно отметим, что во многих случаях, когда придаточные амплифицируются с осложнением своей семантики значением времени, то зачастую такое осложнение сопровождается темпоральными конкретизаторами, в качестве которых выступают отдельные словоформы или даже словосочетания с темпоральной семантикой то ли прямого выражения, то ли опосредованного. В роли таких конкретизаторов чаще всего выступают наречия, способные лексически выражать значение времени типа «однажды», «завтра», «утром», «сегодня» и т. п. Однако «чаще всего» ещё не означает «всегда» или «обязательно», то есть это признак необлигаторного характера, а во многом субсидиарный, поскольку в выражении грамматического значения времени участвуют и другие конструктивные средства, не имеющие прямого отношения к процессу амплификации.

Надійшла до редколегії 12.02.08

УДК 811.161.1'373. 7

С. В. Евраева

Днепропетровский национальный университет им. Олеса Гончара

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ОППОЗИЦИИ «ПРАВЕДНОЕ – ГРЕХОВНОЕ» В РУССКОЙ НАИВНОЙ КАРТИНЕ МИРА

На матеріалі етимологічних та тлумачних словників російської мови досліджуються поняття «праведне» та «гріховне» у семантико-когнітивному аспекті, на матеріалі російських прислів'їв розглядається концептуальна реалізація опозиції «праведне – гріховне» у російській наївній картині світу.

На материале этимологических и толковых словарей русского языка исследуются понятия «праведное» и «греховное» в семантико-когнитивном аспекте, на материале русских пословиц рассматривается концептуальная реализация оппозиции «праведное – греховное» в русской наивной картине мира.

Concepts *just* and *sinful* are studied in a semantic-cognitive aspect on the material of etymologic and explanatory dictionaries of Russian, as well as conceptual realization of opposition «just – sinful» in the Russian naive picture of the world (on the material of Russian proverbs).

Современные лингвисты всё чаще обращаются к изучению концептов как конструктов языковой картины мира того или иного народа, в том числе и русского. Такого рода исследования ведутся, как правило, в двух направлениях: первое – углублённый анализ одного или нескольких концептов, зачастую включающий сопоставление особенностей функционирования данного концепта в разных языковых картинах мира; второе – систематизация компонентов концептуальной систе-